

Общество: философия, история, культура. 2022. № 10. С. 20–28.
Society: Philosophy, History, Culture. 2022. No. 10. P. 20–28.

Научная статья
УДК 141:316.61
<https://doi.org/10.24158/fik.2022.10.2>

Русские акмеисты в поисках идентичности: преодолевшие дуализм

Герман Михайлович Кириллов

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия, gekir10@mail.ru

Аннотация. В статье осуществляется анализ литературного течения XX в. «акмеизм» в перспективе феноменологического подхода, отмечается уникальность этого явления, состоящая в гармоническом соединении традиции и авангарда, единства формы и содержания. Акмеизм сопоставляется с предшествующим модернистским направлением – символизмом, констатируется диалектическая преемственность между обоими течениями, проявляющаяся во внимании к образности, эстетическому совершенству, а также различие между ними: абстрактность образов, мистицизм символистов, приведший к дуализму и асоциальности, с одной стороны, и стремление к ясности, конкретности и целостности в изображении мира, активная позиция по отношению к социальным вызовам со стороны акмеистов – с другой. Данная работа будет полезна исследователям для осмысления роли акмеизма в русской культуре, выявления его теоретико-философского содержания. Автор стремится обосновать предположение о том, что надвременной характер поэтики акмеизма будет способствовать выявлению Россией её места в мире, поиску непреходящих духовных основ общества. В статье находит обоснование тезис о том, что эстетические принципы акмеизма предвосхищали установки феноменологии, в том числе идеи новой онтологии французского философа М. Мерло-Понти. Онтологический подход позволяет решить вопрос о референциальности смыслов и знаков применительно к эстетическим установкам акмеизма и символизма и спроецировать его на проблему симуляции в коммуникативном пространстве информационного общества.

Ключевые слова: символизм, акмеизм, адамизм, дуализм, двоемирие, плоть, изначальный контакт человека с миром, референциальность, диалог

Для цитирования: Кириллов Г.М. Русские акмеисты в поисках идентичности: преодолевшие // Общество: философия, история, культура. 2022. № 10. С. 20–28. <https://doi.org/10.24158/fik.2022.10.2>.

Original article

Russian Acmeists in Search of Identity: Overcoming Dualism

German M. Kirillov

Penza State University, Penza, Russia, gekir10@mail.ru

Abstract. The author analyzes the acmeism literary movement of the 20th century in the perspective of a phenomenological approach. The uniqueness of this phenomenon is noted, consisting in a harmonious combination of tradition and avant-garde, unity of form and content. Acmeism is compared with the previous modernist movement – symbolism. The dialectical continuity between both movements is stated, manifested in attention to imagery, aesthetic perfection, as well as the difference between them: the abstractness of images, the mysticism of symbolists, which led to dualism and asociality, on the one hand, and the desire for clarity, concreteness and integrity in the image of the world, active the position in relation to social challenges on the part of acmeists on the other. This study will be useful for researchers to understand the role of acmeism in Russian culture, to identify its theoretical and philosophical content. The author seeks to substantiate the assumption that the supra-temporal nature of the poetics of acmeism will contribute to the identification of Russia's place in the world, the search for the enduring spiritual foundations of society. The author substantiates the thesis that the aesthetic principles of acmeism anticipated the attitudes of phenomenology, including the ideas of the new ontology of M. Merleau-Ponty. The ontological approach makes it possible to solve the question of the referentiality of meanings and signs in relation to the aesthetic attitudes of acmeism and symbolism and to project it on the problem of simulation in the communicative space of the information society.

Keywords: symbolism, acmeism, adamism, dualism, duality, body, man's initial contact with the world, referentiality, dialogue

For citation: Kirillov, G.M. (2022) Russian Acmeists in Search of Identity: Overcoming Dualism. *Society: Philosophy, History, Culture*. (10), 20–28. Available from: [doi:10.24158/fik.2022.10.2](https://doi.org/10.24158/fik.2022.10.2). (In Russian)

Нынешнее непростое время, которое принято называть эпохой глобальных перемен, затронувших все социальные слои населения и сферы жизни, безусловно, переключается с тревожной

атмосферой в нашей стране в первой половине XX в. Изменения, происходящие в обществе сегодня, противостояние между Востоком и Западом, взаимные санкции вызывают неопределённость, тревогу в отношении будущего России у одних слоёв общества и волну патриотизма, гордости за свою страну – у других. Подобный диссонанс был характерен для общественного сознания и в первые десятилетия минувшего века. Современники по-разному воспринимали действительность: одни испытывали эмоциональный подъём, вызванный патриотическими идеями, религиозной и политической символикой, характерной для того времени, другие – страх перед бурными переменами, охватившими страну. На рубеже минувших столетий в искусстве наблюдался кризис, вызванный столкновением традиционной культуры и культуры модерна. Вместе с тем это время – конец XIX – начало XX вв. – стало периодом расцвета духовной культуры: музыки, литературы, философии, театра, изобразительного искусства. Его принято называть Серебряным веком. В литературе возникли такие яркие модернистские течения, как символизм, акмеизм, футуризм.

В декабре 2022 г. исполнится 110 лет литературному течению акмеизм. Эта негромкая дата тем не менее весьма значима для русской культуры, для осмысления теоретического наследия этого направления в контексте проблемы «Запад – Россия – Восток», которая остаётся такой же актуальной ныне, как и столетие назад. Это самобытное явление привлекало и привлекает внимание исследователей, главным образом филологов и культурологов, а также с недавних пор – многих философов. Не утихают споры о том, что это было: самостоятельное направление в искусстве или всего лишь школа. Мы склоняемся к тому, что акмеизм был сродни тем исканиям, которые осуществляла зарождающаяся в то время феноменология – учение о феноменах, у истоков которого находился немецкий философ Эдмунд Гуссерль.

Цель настоящей статьи: осуществить очередной шаг к многомерному восприятию акмеизма как неоднозначного явления в отечественной культуре, выделить новые стороны отношения его носителей к действительности в контексте лингвистического поворота в философии и культуре начала прошлого века.

Задачи исследования: выявить инновационные моменты в подходах к пониманию эйдологического языка акмеистов; обозначить актуальность творческого наследия акмеистов в пору происходящих бурных процессов переоценки ценностей, ознаменовавших тенденцию трансформации от культуры модерна к постмодерну, в частности выявления экзистенциальных интенций акмеизма, носящих вневременной, инвариантный характер.

Мы попытаемся рассмотреть поэтическое направление акмеизм с феноменологической и онтологической точек зрения.

Научная новизна исследования заключается в том, что акмеизм рассматривается в нем как проявление лингвистического поворота в философии, заключающегося в преодолении установки неокантианской философии, утверждающей, что сознание определяет язык, и в действительности язык является посредником, способным структурировать сознание по мерке вещиности мира.

Как уже отмечалось, проблема происхождения акмеизма и его значения имеет как филологический, так и философский аспект и привлекает внимание специалистов в различных областях знаний, и это не случайно. В. Брюсов отмечает, что усилия акмеистов были направлены «на осуществление универсального синтеза науки, философии и религии»¹. Известный английский славист М. Баскер, автор комментариев к Академическому собранию сочинений Н.С. Гумилева, подчёркивает «принципиально антропоцентрическую ориентацию» этого модернистского направления². Безусловный интерес вызывают работы современных авторов, посвящённые этой тематике. Так, заслуживает внимания исследование социально-философских концептов акмеизма Р. Зеленковым: автор справедливо замечает, что «философия акмеизма стала оппозиционной мировоззрению символизма, которое не принимало социальную действительность» (Зеленков, 2010). Также представляет теоретическую значимость рассмотрение акмеизма в контексте исканий постсимволизма как диалектически связанного с предшествующим этапом в развитии модернизма. Тем не менее, что касается трактовки этого феномена в русле идей Л.Н. Гумилева о системности и биосфере, то она не представляется нам бесспорной, о чём пойдёт речь далее в статье. О творчестве Н.С. Гумилева в контексте межкультурной коммуникации пишет в своей статье Е.Ю. Раскина (2011). Заслуживает внимания попытка выявления философских основ этого течения, предпринятая С. Кузьминой, по мнению которой основой акмеизма является неокантианство³.

Главный тезис, выдвигаемый автором настоящего исследования, состоит в том, что акмеизм стал первой попыткой преодоления характерного для новоевропейского мировоззрения дуализма,

¹ Брюсов В.Я. Новые течения в русской поэзии. Акмеизм // Николай Гумилев: pro et contra. СПб., 2000. С. 388.

² Баскер М. Ранний Гумилёв. Путь к акмеизму. СПб., 2000. С. 7.

³ Кузьмина С.Ф. История русской литературы XX в. Поэзия Серебряного века: учебное пособие. М., 2009. с.22.

одним из проявлений которого явилось мирозерцание символизма. Символисты утверждали, что мир полон тайн, которые невозможно понять, истолковать, доказать. Символ, по их мнению, – это абсолютная реальность, куда погружаются автор и читатель произведения. А.Ф. Лосев же считал, что символ – это сложная идейно-образная конструкция, выражающая диалектическое «единство идеи и образа», знака и вещи, сущности и явления¹. Чтобы понять суть концепции символизма, обратимся к исследованиям социолога Альфреда Шюца, который в своих работах излагает феноменологическую теорию знаков и символов, отталкиваясь при этом от особенностей сознания индивида. Эта теория социолога нашла отражение в его работе «Символ, реальность и общество», где Шюц рассматривает проблему символической референции. В самом начале работы он проводит различие между знаком и символом, обнаруживая более широкие возможности последнего. «Знак в собственном смысле слова порождает мнение или приводит нас к выдвижению утверждения, в то время как символ просто побуждает разум подумать о чем-то другом, не производя утверждений»². В отличие от знака и сигнала символ не жесток и не статичен, он подвижен. Знаковое отношение трёхкомпонентно: субъект, знак и объект. Символическое отношение предполагает наличие четырех элементов: субъекта, символа, представления и объекта. Шюц убежден, что мир обыденной жизни занимает ведущее место среди сфер реальности, так как лишь он обеспечивает коммуникацию с другими людьми. Социолог считает, что, несмотря на разницу в понимании знака и символа, у них есть и общее – в обоих случаях присутствует некий объект, иначе говоря, факт, событие, отличающееся от самих этих понятий. В заключение исследования Шюц цитирует Гёте: «Подлинный символизм там, где частное представляет общее, но не как грезу и не как тень, а как внезапное живое откровение непознаваемого»³. Из приведённой цитаты видно, каковы требования к подлинному символизму как у Гёте, так и у Шюца: через субъективное представить не только небесное, но и земное, реальное. На деле же всё было иначе: символисты пытались искать в действительности что-то иное, трансцендентальное.

Трансцендентальному характеру символа был противопоставлен имманентный образ акмеизма. В этой связи приобретает особое значение вопрос об идейных истоках обоих течений модернизма. Обоснованным представляется суждение Брюсова о близости символистов к немецкой классической философии, которая являлась для них теоретической базой. В то же время они унаследовали от неё и уязвимые стороны: антиномичность, проявляющуюся в дуализме вплоть до своеобразного «двоемирия», мистицизм и абстрактность. Над новоевропейской философией, впрочем, всегда довлел демон дуализма с его бесконечными дихотомиями субъекта и объекта, тела и души, плоти и духа. При этом зазор между ними всё увеличивался по мере развития европейской цивилизации: он проявился, в частности, в отрыве означающего от означаемого, который выразился в формализации языка, и этого, в конечном итоге, не избежал и язык поэзии. Необходим был средний термин, опосредующий эти полярности. Избранный символистами инструмент – символ как посредник – не сумел в полной мере заполнить этот зазор. Безусловно, язык и творчество имеют символическую форму. Поэт же – посредник между землёй и небом, между телом и духом, настоящим и прошлым, и его предназначение – примирить эти трагические противоречия. В своём стихотворении «Юному поэту» (1896) В. Брюсов свысока призывает начинающего поэта не думать о том, что происходит в данный момент, а жить во имя будущего: «...не живи настоящим, Только грядущее – область поэта»⁴. Между поэтом – мэтром символизма – и читателем – мастером и учеником – образовывалась большая дистанция: благоговейное отношение ученика к наставнику, взгляд снизу-вверх, который можно выразить формулой: «наставник – поклонники и ученики» – всё это не предполагало равенства, взаимопонимания, сотрудничества в поисках истины. Вместе с тем символизм при всём своём новаторстве и стремлении к мистике был связан с традицией, об этом свидетельствовал теоретик символизма Андрей Белый. Очень точно проявив саму суть искусства, символизм смог расширить представления о нём, выявляя смысл красоты в художественном образе. Именно в поисках смысла представители течения обращались к немецкой классической философии с её утончённым эстетизмом. Источником были философия Канта и неокантианство. Однако для онтологии Канта изначально была характерна раздвоенность на феноменальный и ноуменальный миры. Двойственность восприятия мира и породила чрезмерное увлечение символизацией творчества. Неудивительно, что символизму был присущ уход от реальной, часто суровой действительности в мир мистицизма и грёз, в то время как пришедшие ему на смену теоретики акмеизма, преодолевая

¹ Лосев А. Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М., 1976. С. 260–261.

² Schutz A. Symbol, Reality and Society // L. Bryson, L. Finkelstein, H. Hoagland, R.M. MacIver (eds.). Symbols and Society: Fourteenth Symposium on Science, Philosophy and Religion. N.Y., 1955. P. 135–202.

³ Там же.

⁴ Брюсов В.Я. Голос часов. М., 1996. С. 94.

двойственность воззрений своих предшественников, считали необходимостью обращение произведений искусства к социальной реальности. Вряд ли можно разобраться с теоретическими аспектами данных направлений модерна, рассматривая их изолированно. Вернёмся к символизму. Несмотря на то, что символ способен в определённой степени раскрыть смысл творчества, всегда есть опасность, что он может оторваться от индивида, а индивид – от символа, что в результате и произошло. Воздействие произведений символизма на читателя так велико, что порой он, погружившись в мир грёз и иллюзий, впадает в некий гипнотический транс и уходит от насущных проблем, которые уже стучатся в дверь. Детали быта, конкретные вещи не интересовали символистов, у них преобладало интуитивное представление о реальности. К 1910 г. явно обозначился кризис символизма. Новые вызовы, связанные с социальными потрясениями, привели к расколу в рядах этого течения: «младшие» символисты полагали, что они могут изменить существующую действительность, используя синтез индивидуального прозрения и религиозного мифотворчества; «старшие», которых называли декадентами, сосредотачивали усилия на возрождении культуры стиха. К тому же эстетика символизма была направлена на удовлетворение вкусов избранных, а события современности призывали к диалогу со всеми слоями общества. «Башня», «возведённая» Ивановым и его единомышленниками, так и не добралась до небес, идеология символизма в 1910–1912 гг. всё больше вызвала ощущение кризиса и тупика. От надвигающихся событий невозможно было спрятаться ни в какой «башне»: в стране назревала кризисная ситуация, начинался подъем революционного движения, последствия социальных потрясений не могли не сказаться на судьбах поэтов Серебряного века. Время даровало представителям модернизма как радость, так и горе, восторженное внимание поклонников их таланта и суровые обвинения во враждебности их творчества народу, сладость общения и чувство одиночества и незащищённости. Символисты, живущие в мире иллюзий, утверждали, что действительность, реальность – это вымысел, созданный художником, но эта действительность со всеми своими противоречиями наступала в реальности.

Акмеизм, появившийся на арене культурной жизни приблизительно в это время, был нацелен на диалог, его представители стремились к взаимопониманию с читателями. Отношения автора и читателя теперь оказываются равноправными, партнёрскими, читателю даже предлагается стать соавтором произведения. В отличие от своих предшественников, акмеисты уделяли внимание каждой детали окружающего мира, считая её значимой и самоценной, пытались передать психологические переживания героев. Образы акмеистов тяготели к вещественности, ясности и конкретности. Так, жираф, обезьяны, носорог Гумилёва, покорившего Африку, при всей их экзотичности настоящие, почти осязаемые, каждое животное легко вообразить, представить; это символы, но не фантастические, не оторванные от действительности, а тесно связанные с нею. Однако не следует принимать все установки акмеизма буквально, ибо в любом художественном образе всегда присутствует символика: за экзотическими фигурами заморских животных угадываются и Царское Село, где автор пережил романтическую влюблённость, и фигура автора, эстета, поэта, путешественника, и стремление придать произведениям максимальную достоверность. Оригинальную характеристику акмеизма дал Мандельштам: следует любить «существование вещи больше самой вещи и свое бытие больше самих себя» – этот тезис можно считать основным в заповедях акмеизма¹.

Программа акмеизма впервые была публично оглашена в декабре 1912 г. в кабаре «Бродячая собака», одном из знаковых мест собраний литературной богемы Серебряного века, открывшемся в Петербурге. Термин акмеизм, выбранный в том же году модернистами, оказался очень удачным, потому что обозначил бифуркационную точку надлома, представленную в культуре модерна. Существует несколько версий происхождения термина, каждая из которых интересна по-своему². Поэты нового направления были убеждены в том, что на смену символизму, который в 1909 г. переживал кризис, должно прийти направление, впитавшее в себя лучшее из традиций предшественников и нечто намечающее поэтический путь к новым вершинам творческих достижений³. Как ранее отмечалось, в отличие от конкурирующего с ним футуризма, акмеизм, подобно символизму, не порывает полностью с классической традицией. Поэтому нельзя считать акмеизм и символизм полярными мировоззренческими системами. Акмеисты противопоставляли идеологии символизма предметность тематики и образов, ясность и остроту слова в литературных произведениях, их целью было, по словам Гуссерля, – «всеобъемлющее единство сущего». Одним из ярких представителей данного течения был русский поэт Николай Степанович

¹ Мандельштам О.Э. Избранное в 2-х т. Т. 2. М., СПб., 1991. С. 22.

² Владимир Пяст сопоставлял зарождение акмеизма с этимологией и звучанием псевдонима Анны Ахматовой (лат. *Akmatus*), некоторые указывали на его связь с греческим *ἀκμή* – «острие».

³ Участниками объединения были Анна Ахматова, Осип Мандельштам, Владимир Нарбут, Михаил Зенкевич.

Гумилев, который акцентировал значение для акмеизма мифопоэтического и аксиологического подходов, уделяя особое внимание поиску подходящих изобразительных средств языка. С.М. Городецкий, в свою очередь, подчёркивал, что акмеизм посмотрел на действительность «ясным, зорким оком, принял все, что увидел, и пропел жизни и миру аллилуйя»¹. А. Занеги́на справедливо отмечает, что «любому художественному направлению... нужна была такая образотворительная область, которая оформила бы эстетическую системность, став ее основой» (Занеги́на, 2016). Такой стержневой онтологической установкой эстетики акмеизма стала эйдо́лология (от греч. *Eidol* – вид), более точно – учение, от «эйдолон» («видимый образ», в противовес «эйдосу» – невидимому образу)². В одной из своих статей Гумилев определяет эйдо́лологию как «всю природу образа, то ощущение, которое побудило поэта к творчеству, нервную систему стихотворения»³. Под «нервной системой стихотворения» Гумилёв, вероятно, имел в виду, что образ, созданный автором, становится живым существом, из плоти и крови, подобием, двойником и спутником автора и читателя. Порой так оно и происходит, ведь Дон Кихот или Обломов неотделимы от своих создателей и продолжают жизнь после их смерти, вступая в общение со всё новыми поколениями читателей. Кроме того, нервная система стихотворения – это тот импульс, та эмоциональная составляющая, которая придаёт произведению напряжённость и экспрессию.

Следует заметить, что в отличие от символизма акмеизм поставил в центр мироздания не символ, а человека, способного преобразовать действительность. Такая тенденция характерна для культуры модерна, где субъективистское начало начинает преобладать и в неклассической философии, всё более заявлявшей о себе.

Первые манифесты нового течения были выпущены в 1913 г. В них констатировалось, что акмеизм готов вести борьбу «за этот мир, звучащий, красочный, имеющий формы, вес и время, за нашу планету»⁴. В самом деле, конкретность акмеизма, его обращение к человеку, к природе, подлинность чувств, – все эти признаки позволяли обозначить особенности нового направления: «У акмеистов роза (цветок) опять стала хороша сама по себе, своими лепестками, запахом и цветом», а не символом любви, романтических отношений, каковой ее считали символисты. По свидетельству С. Городецкого, эстетическая программа акмеизма выработалась под воздействием идей символизма и была направлена на преодоление его туманности.

Итак, акмеизм обращён к миру, сами акмеисты никогда не устранились от решения социально-политических проблем современности, что предопределило трагический исход участников течения. Не случайно А. Ахматова отмечала, что основным отличием акмеизма от символизма стала ответственность его последователей перед родиной и её народом (Лекманов, 2000). «В манифестах акмеистов Н. Гумилёв и С. Городецкий ставили главную задачу: вернуть поэтическому слову конкретное бытие. Тезис Гуссерля «Назад, к самим вещам!» находит отражение во многих произведениях акмеистов, проповедующих в творчестве возвращение к первичному опыту, ценность реальных вещей. Так, в лирике А. Ахматовой вещный мир способствует восприятию самых сокровенных чувств героини: в «Песне последней встречи» лирическая героиня «на правую руку надела перчатку с левой руки». Рефлексивное переживание иллюстрирует её отношение к миру, а мира – к ней. Возможно, здесь сказалось влияние на Ахматову её преподавателя Г. Шпета, известного философа, чьё творчество сочетало гуссерлевский анализ структуры сознания с платонизмом православия⁵. Самоценность отдельных жизненных явлений, внимание к деталям, к повседневности очевидны и в стихах Н. Гумилёва, об этом он пишет и в своих программных статьях. Человек должен был предстать в интерпретации акмеистов во всём его внутренне противоречивом духовно-телесном единстве. Влияние акмеизма на культуру и литературу не исчерпывается одним лишь кружком единомышленников и эпигонов Гумилёва. Не случайно, что многие акмеисты стали впоследствии поэтами первой величины. Когда вышел «Камень» Осипа Мандельштама, Гумилёв высоко оценил его, заметив: «Он (Мандельштам) открыл дверь своей поэзией для всех явлений жизни»⁶.

Особый интерес акмеистов вызывает разгадка тайн поэтического слова, которое они стремятся очистить от искажений их литературными современниками: футуристами и символистами.

¹ Акмеизм в критике. 1913–1917 гг. критике. 1913–1917 / Н.С. Гумилёв. Некоторые течения в современной русской поэзии / сост. О.А. Лекманов. СПб., 2014. С. 86.

² Эйдолон (др.-греч. *εἰδωλον* – копия, идол, двойник, призрак) – многозначный термин. В эзотерике – астральный двойник человека, фантом, тень или «тонкое тело». При определённых условиях может являться живым в форме привидения.

³ Гумилев Н.С. Полное собрание сочинений в 10 т. Т. 7. Статьи о литературе и искусстве. Обзоры. Рецензии. М., 2006. С. 240.

⁴ Там же.

⁵ Годы учения в Фундуклеевской гимназии (1906–1907 гг.)

⁶ Кихней Л.Г., Меркель Е.В. Акмеизм: теория и художественная практика. М.; Берлин, 2021. С. 14.

Этой проблеме посвящены статьи Мандельштама «Слово и культура» и «О природе слова». В последней статье Мандельштам следующим образом отзывается об ошибках символистов, напоминая, что в античной культуре символ был неразрывно связан с образом вещи, был частью быта – «утварью». Используя традиции классицизма, поэт устраивает своеобразный античный симпозиум, куда приглашает поэтов XIX в.: Ф. Тютчева, А. Фета, Д. Веневитинова, – и начинает непринуждённую беседу с К.Н. Батюшковым. Легко преодолевая время и пространство, в деталях Мандельштам описывает свою «встречу» с предшественником, держится с ним на равных. Подробности «встречи» не оставляют сомнения в подлинности происходящего: «Словно гуляка с волшебною тростью, / Батюшков нежный со мною живёт. / Он тополями шагает в замостье, / Нюхает розу и Дафну поёт»¹. Будучи художником слова, Мандельштам обращается в стихах не только к настоящему, но и к прошлому, пытаясь «оживить» того, кого уже давно нет среди живых. Он хочет вновь испытать изначальный контакт с миром, декларируемый адамизмом². Акмеисты во многом предвосхищают здесь интенции феноменологов, которых (в первую очередь М. Мерло-Понти) волновала возможность экспликации феномена «первичного открытия мира» или изначального контакта. Такой чувственный изначальный контакт с миром предшествует любой мысли о мире. Подобным образом акмеисты, желавшие в своём адамизме вернуть лирическому герою изначальное мироощущение дикаря, очищали его от «тумана» и фантомов цивилизации, отсюда обращение к истокам культуры Мандельштама, стремление к экзотике Гумилёва, обретение изначальной гармонии с природой Городецкого.

Одной из первых реакций на манифесты акмеистов стал отклик на феномен «акмеизм» – статья «Преодолевшие символизм» Виктора Жирмунского, который писал, что «для символистов слово было намеком и иносказанием; между словами... обозначились тайные соответствия...», а границы просто размывались. Характеризуя акмеизм, Жирмунский отмечал, что он противопоставляет «сложной, хаотической, уединенной личности [символизма] – разнообразие внешнего мира», а эмоциональному, музыкальному лиризму – «четкость и графичность в сочетании слов, а также простой и точный психологический эмпиризм...»³.

Представляется, что акмеисты не преодолели, а, скорее, преобразовали идеи символизма, заставив символ решать свои задачи: теперь он был призван связывать образ с «плотью» реального мира.

Особый интерес вызывают отклики символистов, учителей акмеистов, ставших их соперниками в творчестве. Некоторые из них достаточно резки в оценках (А. Блок полагает, например, что акмеисты лишь «топят самих себя в холодном болоте бездушных теорий»⁴), но в отзывах некоторых из представителей символизма ощущается стремление принять брошенный вызов. Последнее касается статьи В. Брюсова «Новые течения в русской поэзии. Акмеизм». Автор, не лишённый сочувствия к акмеистам, признаёт, что они, в отличие от футуристов, не вполне осознающих собственных целей, «начали именно с теории», вместе с тем Брюсов замечает, что адепты акмеизма, Н. Гумилёв и С. Городецкий, будучи «даровитыми» поэтами, «никогда не были хорошими теоретиками»⁵.

Однако, несмотря на стремление подвести под свои новаторские начинания теоретическую базу, акмеистам в отличие от символистов ещё предстояло найти философское обоснование своему течению, выработать свой стиль. Брюсов отмечал, что «изо всей проповеди акмеистов единственное место», которое может быть плодотворным для поэзии, – это предложение г. Городецкого, чтобы «новый Адам ... не изменил своей задаче» – возвращению к дикости, природе. Истинный поэт сумел бы стать «новым Адамом», и это явилось бы значительным достижением. Новый Адам должен был «опять назвать имена мира и тем вызвать всю тварь из влажного сумрака в прозрачный воздух»⁶. Брюсов отмечал и явное противоречие акмеизма: стремление к естеству, уподобление «лесным зверям» при одновременном утончённом эстетизме, преклонение перед Шекспиром и Готье. Подобно тому, как французский феноменолог М. Мерло-Понти стремился развить описательную философию восприятия нашего телесного опыта, так и акмеисты внедряли в своё творчество представление о телесности, связывая его с идеей воплощения Логоса. «Феномен телесности» явился одной из основных проблем «в творчестве фактически каждого акмеиста»,

¹ Богомолов Н. Батюшков, Мандельштам, Гумилёв // Время и текст: Историко-литературный сб. / Науч. ред. Н.В. Серебrenников. СПб., 2002. С. 292–310.

² Адамизм – то же, что акмеизм. Мужественный, твердый, непосредственный и ясный взгляд на жизнь.

³ Жирмунский В. Преодолевшие символизм // Н.С. Гумилёв: PRO ET CONTRA. СПб., 2000.

⁴ Блок А. А. Поэзия, драмы, проза. М., 2001. С. 750.

⁵ Брюсов В.Я. Новые течения в русской поэзии. Акмеизм // Н.С. Гумилёв: PRO ET CONTRA. СПб., 2000.

⁶ Городецкий С. Некоторые течения в современной русской поэзии [Электронный ресурс] // Stanford University. URL: https://web.stanford.edu/class/slavic272/materials/declarations/gorodetsky_nekotorye1913.pdf (дата обращения: 07.08.2022).

именно этот феномен, как один из фундаментальных принципов нового течения, заявлен в программных статьях Н. Гумилева и С. Городецкого. Городецкий отмечал, что он ощущал «... единство земли и человека, в остывающей планете он – изрытое струпами тело Иова, и в теле человеческого – железо земли» (Полтаробатько, 2008). Для Нарбута мир был живой плотью бытия. Не случайно третий сборник его стихов получил название «Плоть». Вот характерные строки одного из стихотворений: «Земля – праматьер! Мы слились: твоё – моё, я – ты, ты – я»¹. Любопытны параллели эстетических принципов акмеистов с интенциями философа-феноменолога, продолжателя Э. Гуссерля. Понятие «тело» в трактовке Мерло-Понти оказывается единством тела и души, при этом тело рассматривается как часть «всеобщей телесности», соединённой с текстурой плоти мира обратной связью, плоть становится пространством сообщения с телесностью Других. Такого живого общения со своим читателем желают и акмеисты, где осуществляется воплощённый и овеществлённый контакт человека с человеком. Таким был и стиль общения между представителями нового направления, который Мандельштам очень выразительно охарактеризовал как «совместное держание времени – сотоварищами, соискателями, сооткрывателями его». М. Мерло-Понти бросает вызов лишённой почвы трансценденталистской философии сознания, а Гумилёв и акмеисты – поэтике отчуждённого от плоти и бестелесного символа.

Говоря о необходимости теоретической основы для акмеизма, заметим, что уроки Брюсова пошли Гумилеву-теоретику на пользу, свидетельство тому – статья Гумилёва «Анатомия стихотворения», относящаяся к зрелому периоду творчества. Гумилёв-теоретик констатирует, что всякая речь обращена «как к говорящему, так и к слушающему», он убеждён, что «при двух данных непременно третье – личность поэта», как видим, всего один шаг отделяет теоретика акмеизма от декларирования принципа антропоцентризма, предложенного Э. Бенвенистом. Во всяком случае, за видимым натурализмом поэтической «анатомии» Гумилёва («стихотворение... живой организм, подлежащий рассмотрению: и анатомическому, и физиологическому») явно просматривается стремление увидеть «вещность» поэзии, воплощение в ней личностных смыслов, сокровенных интенций. В поэзии акмеистов трансцендентные символы предшественников находят имманентную реализацию в конкретных образах окружающего мира, преображая и облагораживая его. Акмеисты видят себя синдиками поэтического цеха, оттачивающими методы поэтического ремесла.

Характерно, что в подходе акмеистов прослеживается диалектика формы и содержания. Разумеется, взгляды на принципы нового направления у отдельных поэтов не во всём совпадали. По словам А.А. Занегиной, «...цель поэта-акмеиста – довести образ до конца, создать картинность-эпифанию, пластичность образа через его эйдолон» (Занегина, 2016). Конечно, стремление к перфекционизму в отношении формы было не чуждо и символизму, но требовательность к форме характерна, главным образом, для Гумилёва. Что касается Городецкого, то он к «идолотворчеству» Гумилёва присоединяет собственное мифотворчество. Мифотворчество – черта, присущая символизму, но Городецкий очень свободно распоряжается этим инструментом: например, миф об Адаме получает в его произведениях новую трактовку: Адаму, сотворённому Богом из земли, являющемуся частью природы, теоретик акмеизма уподобляет поэта-акмеиста, который шагнул из шестого дня творения в современность, чтобы давать вещам мира новые имена. Судьба обоих синдигов сложилась по-разному: Гумилёв трагически погиб, а Городецкий адаптировался к советскому строю. Но проблематика акмеизма в дальнейшем разрабатывалась их товарищами. Мандельштам в статье «О природе слова» провозглашал: «...русский язык стал именно звучащей и говорящей плотью»². Сходным образом Хайдеггер будет двумя десятилетиями позже говорить о языке как о доме бытия и об экзистенциалах, связывающих (а не противопоставляющих как категории) жизненный мир человека с бытием мира, в который он погружён. К числу экзистенциальных интенций, характерных для акмеизма, можно отнести их связь с традицией, стремление к полноте воплощения образа, желание вовлечь читателя в диалог, разбудить в нём такие качества, как ответственность за происходящее, способность преодолевать перипетии судьбы, стремление к творческой активности.

Заслуживает внимания судьба акмеизма в советский период. С.М. Городецкий, А.А. Ахматова, Б.Л. Пастернак пытались найти себя в новой реальности, хотя это было сопряжено с огромными трудностями. Всё это убеждает в том, что рассмотрение символизма и акмеизма как проявление дихотомии системы и антисистемы не выглядит продуктивным. Напротив, феноменологический подход, на наш взгляд, даёт нам ключ к пониманию ситуации. С точки зрения Шюца, знак и символ являются инструментами в руках человека, помогающими ему адаптироваться в окружающем мире. Шюц подчёркивает, что неопределённость, царящая в работе с феноменами, обозначенными такими терминами, как «знаки» и «символы», предполагает возможность выбрать ту или

¹ Нарбут В.И. Стихотворения. М., 1990. С.153.

² Мандельштам О.Э. О природе слова // Мандельштам О.Э. Собрание сочинений в 4 т. Т.1. М., 1993. С. 220.

иную схему: «апперцептивную или аппрезентативную, референциальную или даже интерпретативную»¹. Избранная схема позволит в других источниках обнаружить случайное упорядочение или отсутствие порядка. Этот пример – одна из причин того, почему «знаковые и символические отношения сущностно двусмысленны»². Итак, проблема состоит в том, что мир воображаемого и реального: знаки и символы и вещи мира – лежат в разных плоскостях и нуждаются в общем основании для интерпретации. В качестве такового Мерло-Понти предлагает плоть мира. Как и Шюц, он делает акцент на интерсубъективность, основу всех частных миров – общий «интерсубъективный мир», утверждая, что только в зеркальности плоти может реализоваться принцип обратимости.

В нашей культуре сегодня тоже происходит своеобразное удвоение реальности: происходящие в обществе процессы медиатизации и информатизации стали причиной ухода человека от реальности в виртуальный мир. Как и в начале минувшего столетия, сегодня мы живем в двоемрии: от лайков до криптовалюты – все это знаки без референций. За знаками порой нет ничего, имеющего видимое сходство с обозначаемым предметом, символом которого мы привыкли его считать. На место символу приходит симулякр. Одна из главных работ французского социолога Ж. Бодрийяра носит название «Символический обмен и смерть», где автор пишет о том, что сегодня, как и в первой половине минувшего столетия, мы создаём всё больше символов, которые отсылают нас не к вещам, а лишь к другим символам, погружая общество в симуляцию реальности. «Символическое», по Бодрийяру, – это не понятие, не инстанция, не категория и не «структура», скорее, это акт обмена и социальное отношение, которое кладёт конец реальному, в том числе уничтожает «оппозицию реального и воображаемого»³. Таким образом, символизация упраздняет не только двойственность в восприятии мира, но и саму реальность. Взамен принципу реальности среда симулякров порождает принцип гиперреальности – реальности симулякров. Для этой среды характерна ситуация, когда все знаки обмениваются друг на друга, не предполагая ничего реального. Бодрийяр подчёркивает, что «симулякр – это не просто игра знаков, в них заключены также особые социальные отношения»⁴. Социолог пишет о «смерти социального», то есть об отказе от взаимодействия в сфере общественной жизни. В самом деле, общение в современном мире всё в большей степени заменяется коммуникацией. Российско-американским социологом П. Сорокиным была разработана концепция символического «проводника», способного осуществлять социальное взаимодействие, в частности, в процессе формирования и поддержки социокультурного единства и социальной солидарности. Современное цифровое общество является общностью, где взаимодействие осуществляется при помощи цифровых технологий, которые в наше время становятся «проводником» социального взаимодействия, хотя в последнее время всё чаще вместо термина «проводник» используется понятие «протез», видимо, потому, что речь уже идёт не о подлинном взаимодействии, а об искусственном, вернее, о его симуляции. Подобно символам, симулякры выступают лишь «чучелами» подлинных вещей и «перемигиваются друг с другом»⁵, гипнотизируя нас, лишая воли, превращая в потребителей, не способных критически воспринимать действительность. Поэтому так важно не переставать видеть реальность такой, какая она есть, во всём её многообразии. Забвение одной из её граней (уход в мир воображаемого или виртуальную реальность) будет чреват тяжёлыми последствиями.

Полагаем, что если у символистов имело место гипостазирование или овеществление абстрактных сущностей, способность приписывать им свойства реальных предметов и реального существования, то акмеизм, явившийся своеобразной философской моделью осмысления мира, позволил соединить символ с образом, а образ – с человеком и реальной действительностью. Благодаря акмеизму изначальный мир повседневности, порождающий окружающую нас социальную реальность, обрёл способность властно и порой нелицеприятно напомнить нам о своём существовании. Акмеизм дал в наши руки путеводную нить, которую социальные потрясения века минувшего силлись оборвать, и связал нас с традицией, достижениями и смыслами минувшего, которыми всегда питается культура.

Список источников:

- Занегина А. Философия искусства акмеизма // Проблемы современного образования. 2016. № 4. С. 48–56.
 Зеленков Р.Н. Акмеизм и символизм: соотношение социально-философских идей // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2010. Т. 2. № 1. С. 156–162.
 Лекманов О.А. Концепция «Серебряного века» и акмеизма в записных книжках А. Ахматовой // Новое литературное обозрение. М., 2000. № 46. С. 216–230.

¹ Schutz A. Op.cit. P. 472.

² Schutz A. Op. cit.

³ Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. 4 изд. М., 2011. С. 243.

⁴ Там же. С. 116.

⁵ Слова Мандельштама по-прежнему акмеистически точны.

Полтаробатько Е.Д. Категория «Телесности» в акмеистическом дискурсе (в сопоставлении с символистской и футуристической концепциями тела) Вестник Костромского государственного университета. 2008. Специальный выпуск. С. 122–124.

Раскина Е.Ю. Поэтическое творчество Н.С. Гумилева в контексте межкультурной коммуникации // Вестник Московского института лингвистики. 2011. №1. С. 74–81.

References:

Lekmanov, O.A. (2000) Kontseptsiya «Serebryanogo veka» i akmeizma v zapisnykh knizhках A. Akhmatovoy [The concept of the "Silver Age" and acmeism in the notebooks of A. Akhmatova]. *Novoye literaturnoye obozreniye* [New Literary Review]. Moscow. (46). 216–230. (In Russian)

Poltarobatko, E.D. (2008) Kategoriya «Telesnosti» v akmeisticheskom diskurse (v sopostavlenii s simbolist-skoy i futuristicheskoy kontseptsiyami tela) [The category of "corporeality" in acmeistic discourse (in comparison with the symbolist and futurist concepts of the body)]. *Vestnik of Kostroma State University*. Special issue. 122–124. (In Russian)

Raskina, E.Yu. (2011) Poetic creativity of N.S. Gumilev in a Context of Intercultural Communications. *Bulletin of the Moscow Institute of Linguistics*. (1). 74–81. (In Russian)

Zanagina, A. (2016) The Philosophy of the Art of Acmeism. *Problems of Modern Education*. (4). 48–56. (In Russian)

Zelenkov, R.N. (2010) Acmeism and Symbolism: the Ratio of Social and Philosophical Ideas. *Pushkin Leningrad State University Journal*. (2:1), 156–162. (In Russian)

Информация об авторе

Г.М. Кириллов – доктор философских наук, доцент кафедры «Философия и социальные коммуникации», Пензенский государственный университет, Пенза, Россия.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=707037.

Information about the author

G.M. Kirillov – D.Phil., Associate Professor, Philosophy and Social Communication Department, Penza State University, Penza, Russia.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=707037.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 12.07.2022;

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 02.08.2022;

Принята к публикации / Accepted for publication 11.10.2022.